

Чэн Дунсюй не был тем, кого можно было легко отозвать по зову любовника.

Да, сейчас Гу Син в глазах Чэн Дунсюя был всего лишь содержанкой, маленьким любовником.

Но в глубине души все люди стремятся к силе.

Только что, когда этот малыш с небрежной легкостью завершил партию, в сердце Чэн Дунсюя что-то словно проросло, возникло чувство, которое он почти никогда раньше не испытывал — порыв и гордость.

Эта малышка принадлежала ему, и одна лишь эта мысль вызывала приятное чувство.

Даже если бы Гу Син не позвал, он бы сам собрался вернуться с ним в «Ханьхай Интернэшнл», чтобы заняться чем-то приятным для тела и души.

Дверь открылась и закрылась.

Они пришли вместе и ушли вместе, их силуэты — один высокий и крепкий, другой изящный и чистый — казались идеально подходящими друг другу до кончиков волос.

Чжан Юн с некоторым напряжением посмотрел на Чжоу Юньчжи:

— Брат Чжоу...

Ожидаемого гнева не последовало. Его брат Чжоу закурил сигарету, некоторое время смотрел на пустой бильярдный стол, а затем тоже ушел:

— Запиши на мой счёт.

— Что ещё умеешь? — спросил Чэн Дунсюй, уже сидя в машине.

Он выпил и не мог вести, поэтому водитель, понимающий ситуацию, поднял перегородку.

— Умею... — ладонь Гу Сина слегка заболела от сжатия пальцами Чэн Дунсюя, но больше это вызывало зуд. Он наклонился и поцеловал его в уголок губ:

— Это считается?

Затем Гу Син оказался прижат к заднему сиденью.

Чэн Дунсюй, конечно, не стал бы делать что-то действительно серьёзное, ведь впереди был водитель, да и в машине ничего подходящего не было. Но то волнение, что можно было назвать трепетом, возникшее в бильярдной, в этот момент вспыхнуло с новой силой.

Этой ночью оба были более раскованны, чем обычно.

Гу Син умел пользоваться ситуацией.

Заметив, что настроение Чэн Дунсюя было хорошим, во второй половине ночи он сел ему на поясницу, в общем, было довольно приятно.

После всего он пнул Чэн Дунсюя по голени:

— Хочу в душ.

Чэн Дунсюй бросил на него взгляд, не слишком злой:

— Пользуешься благосклонностью?

Но на самом деле взял его на руки и отнёс в душ.

Гу Син едва держал глаза открытыми от сна, но всё же успел взглянуть на телефон: 23:49 — ещё не поздно.

Затем, собрав последние силы, он натянул одеяло и уснул на своей половине кровати, вытянувшись по струнке и чувствуя полное удовлетворение.

На следующее утро Гу Син проснулся от того, что ему стало трудно дышать.

Легким движением он оттолкнул лицо Чэн Дунсюя, которое слегка исказилось, но тот не обратил на это внимания, схватил руки Гу Сина и поднял их над головой:

— Ну что, будем?

Вчерашняя ночь была бурной, шторы были задернуты небрежно, и солнечный свет пробивался сквозь щели.

Гу Син усмехнулся, с оттенком злорадства:

— Кажется, ты опоздал на работу...

Гу Син знал, что Чэн Дунсюй был очень дисциплинированным человеком. Даже если он оставался ночевать в «Ханьхай Интернэшнл», на следующее утро он неизменно вставал в 6:30, независимо от того, как сильно уставал накануне вечером.

Сначала он занимался спортом полчаса, затем принимал душ, завтракал и уходил в 7:30, с погрешностью не более десяти минут.

По сравнению с ним, Гу Син, если у него не было съёмки, мог ещё несколько минут полежать в постели после пробуждения.

Он не чувствовал себя особенно сонным, просто считал, что самое приятное время дня — это эти моменты, тихие и уютные, когда можно насладиться покоем.

Таким образом, их утренний взгляд друг на друга в такой возбуждённой позе был для обоих впервые.

Конечно, возбуждённым был Чэн Дунсюй.

Гу Син помнил, что сегодня у него была сцена с использованием страховки, и в душе у него было некоторое нетерпение, но он всё же сдерживался, ведь вчерашний вечер был насыщенным.

— Не хочешь? — одной рукой Чэн Дунсюй удерживал запястья юноши, а другой, сжав его подбородок между указательным и большим пальцами, наклонился для поцелуя, его челюсть напряглась, подчёркивая решительность и силу.

В его взгляде рассеялась тонкая вуаль желания, но теперь в нём был и оттенок оценивания.

Гу Син чувствовал лёгкую вину за то, что не оправдал ожиданий, но, вспомнив, что этот пёс считал его лишь заменой, решил, что винить себя — значит быть дураком.

Он извился, пытаясь высвободиться, не столько чтобы освободиться, сколько чтобы показать, что сейчас ему не нужно обслуживание.

Чэн Дунсюй на мгновение замер, затем отпустил его и встал с кровати.

Гу Син был удивлён. Он знал, насколько сильным был характер этого человека, и его поступок не совсем соответствовал его образу. Он даже не успел воспользоваться второй волной сопротивления, которую приготовил.

Возможно, он просто понял, что не стоит залёживаться в постели, подумал Гу Син.

В телесериалах властные президенты либо посещают банкеты, либо разоряют чужие компании, но и у Гу Сина бывали моменты, когда он был настолько занят, что не успевал поесть. Властные президенты понимают друг друга.

Гу Син, понимая, насколько сложна профессия властного президента, устроился поудобнее и бросил:

— Шторы.

Пятно света падало прямо на его подушку, что было довольно неудобно.

Его слова остались без ответа, но он почувствовал, как кровать под ним слегка прогнулась под весом вернувшегося мужчины.

Его перевернули, и голос, прозвучавший у самого уха, был полон раздражения:

— Скоро станет ещё жарче, попробуешь?

Конечно, решать, пробовать или нет, было не Гу Сину.

Он снова открыл глаза только после того, как Ци Сю несколько раз позвонил ему.

Другая сторона кровати была пуста, он был завёрнут в одеяло, как кокон, и весь покрылся потом.

Щель в шторах, которая раньше была приоткрыта, теперь была плотно закрыта.

По дороге на съёмочную площадку Гу Син получил звонок.

Незнакомый номер, он сбросил, но звонок повторился. Ответив, он услышал знакомый голос:

— Гу Шао, контракт на рекламу уже готов, когда вам будет удобно подписать?

Гу Син приподнял бровь, его голос был сдержанным:

— Контрактами занимается мой менеджер, подождите.

Он передал телефон Ци Сю и сделал жест губами: [Ван Юе, не стесняйся.]

На этот раз Ван Юе был гораздо более услужлив, предлагая не только продукт более высокого

уровня, но и готовность подписать долгосрочный контракт.

Гу Син с улыбкой наблюдал, как Ци Сю с сияющим лицом вёл переговоры.

Выйдя из машины, Гу Син спросил:

— Ци Гэ, с рекламным контрактом всё в порядке?

Получив подтверждение, он добавил:

— Тогда, когда контракт будет подписан, ты обещаешь мне десять условий...

— Без проблем! — уверенно ответил Ци Сю.

В мире шоу-бизнеса полно ловушек, и если бы кто-то другой потребовал от него десять условий, это было бы смешно. Но Гу Син был его протеже, и его характер и поведение говорили сами за себя.

— Хорошо, завтра съёмки тоже во второй половине дня, Ци Гэ, ты и Линь Тин заедете за мной в восемь утра, и что бы я ни сказал или сделал, ты согласишься, — серьёзно сказал Гу Син.

Линь Тин с любопытством заглянул, чтобы узнать, в чём дело, но Гу Син сказал, что с рекламным контрактом появится премия, и он тут же забыл о своём любопытстве.

Съёмки шли уже больше двух недель, и с самого начала хаоса всё постепенно наладилось.

В этом кругу нелегко выжить, и хотя Цянь Хунцюань был маленьким режиссёром, его профессионализм был на высоте. Кроме того, благодаря тому, что Гу Син держал ситуацию под контролем, даже самый трудный Чжао Тянь стал более сдержанным, и он изо всех сил старался снять фильм как можно лучше.

Название «Наставник, полюби меня снова» звучало немного стыдно, и по нему можно было догадаться, насколько запретной будет история. Гу Син предполагал, что режиссёр выбрал этот сценарий, чтобы привлечь внимание зрителей необычным подходом.

Его персонаж, Демонический владыка, был главным злодеем сериала. Сначала он издевался над наставником из Небесного клана, затем над учеником, главным героем, а в итоге был убит ими после разъяснения недоразумений, став инструментом для развития их отношений и всего сюжета.

По стандартной схеме, чтобы сыграть Демонического владыку, достаточно было показать его жестокость и деспотизм, и это уже было бы успехом.

В конце концов, это был всего лишь небольшой веб-сериал, и слишком глубокое погружение не стоило усилий.

Гу Син, пережив вторую жизнь, стал относиться ко многим вещам проще. Он был настолько ленив, что старался сделать всё с минимальными усилиями, но если уж брался за дело, то делал его максимально качественно.

К актёрской игре он относился с ещё большим вниманием, потому что это было то, чем увлекался оригинальный хозяин тела.

В имени оригинального хозяина было слово «Син», потому что его мать хотела, чтобы её

любимый сын стал яркой и заметной личностью.

Чтобы возвыситься и привлечь к себе внимание, не разочаровав надежды умершей матери, оригинальный хозяин мог думать только о том, чтобы попасть в шоу-бизнес.

Именно поэтому он даже не сопротивлялся, когда его отец Гу Хэньюань подарил его как вещь, но, несмотря на все препятствия, не ушёл из индустрии.

Смешно, что Гу Хэньюань думал, будто Гу Син идёт в шоу-бизнес с целью захватить развлекательную компанию «Шуансин», и вёл себя как ужаленный.

Чжао Тянь пришёл позже Гу Сина, держа в руке телефон, и подошёл с показной скромностью и дружелюбием:

— Брат Гу, что это ты рассматриваешь?

[Авторские примечания, комментарии или пусто]

<http://bllate.org/book/16158/1447553>